

Глава 50. Гробница Му-вана (4)

Кожа Обиженного дитя почти почернела, все лицо покрывали трещины, и само оно напоминало неудачную керамическую статуэтку, перекаленную в печи.

Цэнь Цзинь подготовился заранее и еще раньше купил ему детский солнцезащитный дождевик с капюшоном, закрывающим лицо.

— Держи ментальное загрязнение под контролем. Если что-то случится, я, возможно, не смогу тебя прикрыть.

— Знаю.

Обиженное дитя неловко дернуло на себе ярко-желтый дождевик в ромашках и, скривив губы, заявило:

— Мне нравятся серый и черный. И чтобы с черепами.

— Для ребенка и это уже роскошь. Не привередничай.

— Мы сейчас выходим? — спросило Обиженное дитя.

— Подожди.

Цэнь Цзинь достал поводок и привязал его к запястью Обиженного дитя.

— В человеческом обществе так положено: за детенышами надо смотреть на привязи.

Обиженное дитя презрительно подумало, что в человеческом мире слишком много дурацких правил, но поводок срывать не стало.

Когда большой и маленький уже собирались выйти, у двери их ждал Дин Чжаоцин с большим черным зонтом.

Втроем они молча появились на перекрестке. Горел красный свет, вокруг толпились люди и то и дело с любопытством косились на их троицу.

Обиженное дитя незаметно придвинулось ближе к Цэнь Цзиню.

Обычно оно держалось нагло — в Хижине в лесу вечно огрызалось на всех подряд, а в старый

дом иной раз заявлялось с видом «я здесь главный, остальным явиться на поклон». Но в таком многолюдном месте оно еще никогда не бывало.

И теперь явно струхнуло.

С одной стороны — робело, с другой — с жадным любопытством глазело по сторонам: машины, небоскребы, кондитерские, уличные лавки — все это было для него чудом, которого не существовало две тысячи лет назад и которого оно не видело за все две тысячи лет, проведенных в Пещере Четырех Морей.

А потом оно заметило девочку в белом платье, которая вела на поводке собаку.

Поводок был точь-в-точь как тот, что болтался у него на запястье.

— ...

Под градом полного обиды мертвенного взгляда Цэнь Цзинь невозмутимо сказал:

— Поводок дешевый.

Загорелся зеленый. Они перешли дорогу, подошли к автобусной остановке, дождались автобуса до городской больницы охраны материнства и детства и сели.

Хуан Цзян и Юй Вэнь уже выяснили, что пророк мелькал в одном из уездов соседнего города, и отправились туда.

Цэнь Цзинь же выбрал городскую больницу охраны материнства и детства. Причина была проста: дети, замурованные в опорах священного пути в Пещере Четырех Морей, беременные женщины в подземной темной реке, зверь-хранитель гробницы и медный гроб с хранителем — все это заставляло его думать, что пророк тяготеет к беременным и детям.

Что было вполне логично.

Извращенцы любят издеваться над слабыми.

По словам Тянь Юйкана, в самом начале пророк выбирал взрослых мужчин. Но у взрослых мужчин были жены, дети, а у некоторых еще и престарелые, немощные родители. Все они прекрасно подпадали под категорию «слабых».

Сначала заразить самого сильного — взрослого мужчину, а потом позволить ему вернуться домой и разнести заразу среди родных... По сути, целью все равно оставались слабые.

Оставалось только непонятно, было ли то, что четыре сотни больных собрались у ворот клана призрачного гу, делом рук пророка — или люди пришли туда сами.

Если второе, то можно сказать, что им просто неудачно, а может, и удачно, подвернулась судьба: собрать больных в одном месте и обработать куда лучше, чем позволить им разбежаться и заражать других, а то еще и эволюционировать, пока власти ни о чем не знают. Тогда число жертв и сложность ликвидации были бы совсем иной головной болью.

Но если первое — то зачем?

Пока старейшин клана и У Лань не было на месте, намеренно превратить в больных и сам клан призрачного гу?

Чтобы устранить возможную помеху? Или из мести? Или убить сразу двух зайцев?

Если верно первое, значит, цель пророка и стоящей за ним Си-ван-му — Цяньчуань.

Если второе — значит, у клана призрачного гу с пророком и Си-ван-му давние счеты. А это уже говорило о глубокой, старой связи.

К слову, «лягушачья икра», паразитирующая в человеческом горле, и правда напоминала гу.

Но будь это гу, Хуан Цзян, наверное, давно бы уже что-то почувствовала.

— Следующая остановка: городская больница охраны материнства и детства и Народная больница города Х. Просим пассажиров выйти.

Автобус объявил остановку. Цэнь Цзинь вывел Обиженное дитя наружу.

Люди хлынули из дверей волной, по обочине плотным потоком шли машины, слева была больница охраны материнства и детства, справа — Народная больница, и кругом стояла сплошная толчея.

В такой давке Обиженное дитя ощутимо раздражалось. Контроль над ментальным загрязнением тут же зашатался. Оно стояло на грани вспышки — всей душой ненавидело этот шумный людской муравейник, и в голове у него уже поднималось простое, ясное желание: перебить всех — и снова станет тихо.

Но в следующий миг кто-то сунул его руку в большую теплую ладонь.

— Потерпи, — сказал Желтоволосый нытик. — Сейчас толпа схлынет. Потом куплю тебе

лимонад.

Буйная аура вдруг погасла.

— ...И молочный чай тоже.

Жадность, видимо, была тем, от чего нечисть избавиться не способна. К счастью, в этом не было ничего страшного, и для Цэнь Цзиня такие запросы были вполне посильны.

Он кивнул и уже хотел оглядеться, как вдруг заметил справа впереди, под большим деревом, Дин Чжаоцина.

Тот стоял под своим большим черным зонтом. Одетый слишком уж не по-людски, он даже среди людского моря бросался в глаза.

И, что еще важнее, выглядел здесь совершенно чужим.

Лицо у Дин Чжаоцина было холодное, взгляд — отстраненный, от него веяло такой ледяной отчужденностью, что, несмотря на его яркую внешность, никто не решался подойти ближе. Люди сами расступались, и вокруг него образовалась пустая полоса, будто защитный круг.

Цэнь Цзинь подвел к нему Обиженное дитя и одним словом разрушил эту отрешенность:

— Пошли.

У входа в больницу уже не было такой давки, как минуту назад. Цэнь Цзинь и остальные влились в поток людей и вошли в больницу охраны материнства и детства.

На первом этаже были регистратура, кассы и кабинеты базовых обследований. На втором — педиатрия, на третьем — палаты стационара, на шестом — операционные, а четвертый и пятый занимали всевозможные прочие отделения.

Они пошли на второй.

Двери лифта открылись — и на них обрушилась настоящая волна детского рева и младенческого плача.

Цэнь Цзинь и Обиженное дитя одновременно вздрогнули.

Только спустя некоторое время Цэнь Цзинь рискнул высунуть голову и оглядеть педиатрическое отделение.

Поскольку второй этаж был самым загруженным и самым шумным, у врачей и медсестер не оставалось ни времени, ни сил обращать внимание на эту странную троицу. Так что им никто не мешал пройти весь этаж вдоль и поперек.

— Чуешь что-нибудь странное? — спросил Цэнь Цзинь.

— Нет.

— А ты точно не ошибаешься? Тогда это был человек, а сейчас, может, уже не совсем человек. Все-таки две тысячи лет прожил. И, если уж говорить прямо, это только моя догадка. Вполне возможно, что это вообще не тот пророк, который погубил тебя тогда.

Обиженное дитя помолчало и ответило:

— У всех этих пророков вонь одинаковая. Стоит одному появиться — я сразу почувствую.

— Тогда идем на третий.

Цэнь Цзинь помедлил и добавил:

— Очень не хотелось бы, чтобы они добрались именно до третьего.

На третьем этаже лежали либо женщины перед родами, либо матери, уже родившие детей. Обычно они оставались в больнице минимум на три-четыре дня, контингент там был относительно постоянный, а значит — удобный для охоты. На втором же этаже дети с температурой и расстройством желудка редко ночевали, люди там постоянно менялись, и подступиться к ним было сложнее. Так что если пророк и впрямь выбрал больницу целью, то опасность прежде всего нависала над беременными на третьем.

Они поднялись туда.

Из лифта открывался коридор. По обеим сторонам стояли несколько коек. Чуть дальше сидели какие-то люди, играли в карты — видимо, родственники пациенток. У кровати у окна была задернута шторка, а на полу стояла пара ботинок: внутри, похоже, кто-то спал.

Обиженное дитя направилось к этой кровати.

Цэнь Цзинь тут же напрягся: неужели оно что-то почувало? Сердце мгновенно подскочило к горлу. Неужели они так быстро нашли пророка?

Если сейчас отдернуть шторку — сразу в лоб?

Но вокруг сновали люди, лифт беспрестанно открывался, в коридоре в любую секунду мог появиться кто угодно. Если начинать драку здесь, невинные точно пострадают...

Он успел мысленно накрутить себя до предела, но Обиженное дитя, дойдя метра за два до кровати, внезапно с брезгливым видом отвернулось и ушло прочь.

Тут и сам Цэнь Цзинь уловил из-за шторы какой-то особый, убийственный запах соленой рыбы.

Он посмотрел на ботинки на полу, помолчал и тоже молча отошел.

Прямо впереди располагался пост медсестер. Увидев Желтоволосого, сидевшая за столом медсестра тут же спросила, кто он такой — пациент, родственник — и принялась с дотошной обстоятельностью выяснять все детали.

Цэнь Цзинь невозмутимо назвал номер палаты и койки, после чего заявил, что он младший брат пациентки и пришел навестить ее, да еще с ребенком.

Медсестра проверила историю болезни. Женщина числилась на плановом кесаревом, второй ребенок. Два дня назад в карте и правда мелькало, что к ней едет младший брат с юга. К тому же у этого парня и говор был не совсем местный — вполне сходилось.

Она махнула рукой, пропуская их, но вдруг что-то вспомнила:

— Эй, передайте там, пожалуйста, пациентке на соседней койке, чтобы ее родственники хоть немного следили за собой. Понятно, что они переживают за беременную, но и о себе-то надо помнить. Пусть домой сходят, помогут. Или хоть в палате душ есть — выстирают одежду и обувь. И еще — пусть перестанут складывать всякую грязь прямо на койку. В коридоре стоит такая кислая вонь, что уборщица с утра жаловалась, вы знаете?

Она имела в виду ту самую кровать у окна в коридоре.

Видимо, именно оттуда и шла та мерзкая вонь.

— Хорошо, — кивнул Цэнь Цзинь.

Они прошли дальше и дошли до палаты, номер которой он назвал: третья с конца слева.

Внутри лежали три беременные.

Две ждали родов, одна родила накануне и теперь восстанавливалась. У каждой была родня.

Увидев троих мужчин, стоящих у входа и заглядывающих внутрь, люди в палате сперва удивились, а потом ощутили явный дискомфорт: все-таки внутри беременные, а снаружи — двое здоровых мужчин.

Один из родственников подошел закрывать дверь, но чья-то рука вдруг уперлась в створку.

— Эй, вы чего? — возмутился он.

Цэнь Цзинь удивленно посмотрел на Дин Чжаоцина, не понимая, что тот задумал.

Дин Чжаоцин толкнул дверь, вошел внутрь, снял шляпу, но черные очки не снял. Потом широким шагом подошел к ближайшей от двери койке и обратился к лежавшей там женщине с огромным животом:

— Я пришел тебя навестить.

Беременная растерялась. На ее лице на миг мелькнула паника, но она быстро взяла себя в руки.

— Я вас не знаю. Кто вы?

— Тот ребенок у тебя дома меня знает, — спокойно ответил Дин Чжаоцин. — Думаю, она скоро тоже сюда придет.

У женщины резко сузились зрачки. Она на секунду потеряла дар речи, а потом глухо сказала:

— Я не понимаю, о чем вы. У меня первый ребенок. Немедленно уходите, иначе я позову медиков.

— Не бойся. Мы с ней старые друзья. Я всего лишь хочу попросить тебя передать ей пару слов.

Женщина стиснула зубы, из последних сил подавляя нарастающий ужас:

— Убирайся! Я вызову полицию! Пошел вон!

Она крепче обхватила живот, и лицо ее снова исказилось паникой.

— Уходи! Я не позволю вам навредить моим детям! Никогда!

Кто-то из стоявших рядом уже не выдержал и шагнул вперед, чтобы вмешаться, но Цэнь Цзинь

его остановил.

— Они знакомы. Он ей ничего не сделает.

Дин Чжаоцин лишь равнодушно скользнул взглядом по ее высокому животу.

— Двойня. Мальчик и девочка.

Женщина замерла.

— Правда?

— Ты хочешь защитить детей, — сказал Дин Чжаоцин, — но своими руками толкаешь их в огонь.

— Что... что вы имеете в виду?

— Мужчина, который все эти дни за тобой ухаживает, — человек того ребенка из твоего дома.

Он сделал паузу и, не обращая внимания на выражение запредельного ужаса на ее лице, продолжил:

— Он сказал тебе, что сможет защитить тебя и не позволит тому ребенку сожрать детей у тебя в животе, так? Но сам этот ребенок — подарок, который он тебе и подбросил.

Женщина задрожала всем телом.

Лицо ее стало мертвенно-белым, в ту же секунду ее прошиб холодный пот, а живот скрутило такой болью, что она согнулась пополам.

Цэнь Цзинь сразу заметил: одеяло на ее нижней половине тела быстро намокало.

Он тут же нажал кнопку вызова у изголовья, сообщая, что у пациентки начались роды.

Медсестры и врачи подоспели очень быстро. Они уже собирались отправить ее наверх, в операционную, но женщина вдруг с силой потянулась к Дин Чжаоцину.

Тот с легкостью уклонился.

Не всякому смертному дозволено коснуться бога.

— Прошу... прошу вас... спасите... спасите нас... прошу...

Дин Чжаоцин смотрел на мучившуюся женщину совершенно бесстрастно.

Высокий, недостижимый, абсолютно холодный — бог, не способный ни на малейшее сочувствие к человеку.

Цэнь Цзиню вдруг стало неприятно зябко.

Он и раньше знал, что боги жестоки. Но Дин Чжаоцин всегда потакал ему — пусть и не без корыстных мотивов. А теперь, у него на глазах, вновь показал эту свою высокомерную, бесчеловечную сторону.

Такую, что хотелось взять и разбить.

Лицо Желтоволосого оставалось безразличным, но кулаки уже начинали чесаться.

Жаль только, что за душой у него одни великие амбиции, а из боевых навыков — три жалкие кошачьи уловки. Воин еще в путь не вышел, а уже помер.

И тут он с удивлением заметил, что стоявшие рядом врачи и медсестры, кажется, вообще не видят Дин Чжаоцина.

Они просто держали женщину за руки и ноги, решив, что она слишком перевозбудилась из-за родов.

Цэнь Цзинь подошел ближе к Дин Чжаоцину.

— Слушай... может, заодно и спасешь ее? Я так понял, с тем ребенком у тебя отношения не самые теплые. Если вытащить ее сейчас, это же будет отличный способ подгадать старому врагу, разве нет?

Дин Чжаоцин бросил на него взгляд, чуть улыбнулся и сказал беременной:

— Иди.

Это значило, что он согласился.

— Спасибо...

На лице женщины проступило облегчение. Напряжение отпустило ее, и ее увезли в операционную.

Когда в палате наконец улеглась суматоха, остальные только тогда осознали присутствие Дин Чжаоцина и остальных — и тут же насторожились.

Дин Чжаоцин без лишних слов развернулся и вышел.

Желтоволосый подхватил Обиженное дитя, которое из любопытства уже взобралось на кровать, и поспешил следом.

Они только переступили порог, как дверь за их спинами с грохотом захлопнулась.

Цэнь Цзинь тут же засыпал Дин Чжаоцина вопросами:

— Ты знаешь ту беременную? Кто тот ребенок у нее дома? Кто тот мужчина, который за ней ухаживает? Ты ведь пришел в больницу не из-за расследования, а изначально за этим, да? И кстати, что ты хотел через нее передать? Я так и не расслышал.

— Сделка? — лениво предложил Дин Чжаоцин.

Цэнь Цзинь отказался на месте.

— Я что, слишком хорошо обеспечиваю послепродажный сервис, — усмехнулся Дин Чжаоцин, — раз ты начал считать меня хорошим человеком?

— У меня никогда не было настолько страшной мысли. Не льсти себе.

— Тогда почему мне кажется, что у тебя вырабатывается дурная привычка: стоит возникнуть проблеме — ты сразу ищешь меня и заранее уверен, что я ее решу?

— Я когда-то работал в продажах. На самом дне продаж. Подработка. Стоишь у входа, целый день затаскиваешь людей, и неважно, хороший это клиент или плохой, твой он вообще или нет — хватаешь всех подряд. А вдруг слепая кошка да наткнется надохлую мышшь?

Иными словами: он спросит на удачу, Дин Чжаоцин ответит — если захочет. Желтоволосый просто пробует повезет ли.

— Раз уж ты такой сообразительный, — сказал Дин Чжаоцин, — догадайся сам.

— А.

Цэнь Цзинь развернулся и бегом кинулся к той самой кровати с мерзким запахом. Рывком отдернул шторку — и увидел на столике перед койкой самую обычную миску.

В миске была черная густая жижа.

И в ней извивались белые опарыши.

Именно оттуда и тянуло тем тошнотворным смрадом.

Подоспевшая уборщица, заглянув внутрь, вскрикнула от ужаса, а потом тут же с возмущением принялась ругать родственников этой пациентки — как можно было докатиться до такого свинства? Но, помедлив немного, все же тяжело вздохнула и собралась убирать все сама.

Цэнь Цзинь остановил ее и попросил у нее резиновые перчатки.

Уборщица от такой готовности помочь даже растрогалась.

Честно говоря, всякой дряни ей приходилось убирать немало, но такой мерзости она еще не видела. У нее до сих пор тряслись руки и подгибались ноги. А тут вдруг нашелся добрый человек, который сам вызвался помочь.

Она еще раз взглянула на этого желтоволосого парня — вид у него был, конечно, унылый, будто ночами напролет не спал, но сердце, видимо, доброе.

Цэнь Цзинь натянул перчатки, выпросил еще газовую горелку и кое-что горючее и быстро, без лишних движений, поджег шевелящуюся массу в миске.

Под огнем опарыши начали корчиться, и из их тел показались красные черви толщиной примерно с указательный палец.

Один такой червь резко выстрелил прямо Цэнь Цзиню в лицо.

Тот успел уклониться. Пламя ударило следом — червь упал на пол уже обугленным.

Уборщица схватилась за грудь:

— Да что это за здоровенная гадина?! Чуть до смерти не напугала... Это что, шелкопряд?

Цэнь Цзинь, запихивая труп червя в мусорный пакет, а пакет — в ведро, сказал:

— Пожалуйста, внимательнее смотрите по палатам и по углам у кроватей. Если увидите насекомых, не спешите давить. Сначала выведите больных, а потом звоните в полицию. Пусть разбираются они.

— Хорошо. Но... это ведь гу, да? — спросила уборщица.

Цэнь Цзинь удивленно поднял на нее взгляд.

Уборщица тут же заговорщицки понизила голос:

— Я знаю, о чем говорю. Когда я была маленькая, в соседней деревне жила бабка-гумань. Я даже своими глазами видела, как она однажды ушла в Лес призрачных бамбуков. А когда вышла — у нее уже были испорчены глаза. Все говорили, что на нее нечисть напала, а я знала: у нее в глазах жили черви.

Лес призрачных бамбуков?

Цэнь Цзинь не ожидал, что случайная тетка из больницы окажется как раз из деревень возле Гробницы Му-вана.

Только вот сейчас было не до расспросов.

Он тут же подхватил мрачное Обиженное дитя на руки и поспешил к операционным на шестом.

В лифте он спросил:

— Почувствовало?

— Угу. Та самая вонь.

Цэнь Цзинь задумался.

Неужели пророк тоже работает с гу?

Они поднялись на шестой.

Дин Чжаоцин знал, куда увезли ту беременную. Обиженное дитя чувствовало след пророка. С

такими проводниками Цэнь Цзинь очень быстро оказался у дверей операционной, где еще горел свет.

Издали он увидел мужчину: тот стоял, сутулившись, опустив голову, и уже тянулся к двери операционной.

Цэнь Цзинь еще не успел окликнуть его, как Обиженное дитя сорвалось с места, будто стрела, и с жадной жадностью бросилось мужчине в спину.

Тот обладал поразительной реакцией — молниеносно ушел в сторону.

Обиженное дитя успело только сорвать с его шеи шарф, после чего само ударилось о дверь и прилипло к ней, как ящерица.

Потом обернулось и ядовито уставилось на мужчину.

Теперь Цэнь Цзинь видел его спереди.

Шея у того казалась мягкой, дряблой и вся была усыпана мелкими бугорками. Но Цэнь Цзинь знал — это не гнойники. Просто лягушачьей икры внутри скопилось так много, что она уже выпирала наружу.

Если не считать этой чудовищной шеи, мужчина выглядел почти обычным: белокожий, аккуратный, интеллигентный с виду — точь-в-точь как описывал Тянь Юйкан.

У Цэнь Цзиня мелькнула мысль, и он крикнул:

— Хэ Гуй!

Мужчина обернулся.

Есть реакция.

Значит, пророк и есть Хэ Гуй — тот самый первый больной, у которого появился разум и который нарочно заразил свою семью. Теперь он, по всей видимости, уже успел эволюционировать.

Цэнь Цзинь выхватил тесак.

За его спиной медленно подходил Дин Чжаоцин.

Сзади — Обиженное дитя, спереди — Желтоволосый и непонятный Дин Чжаоцин.

Хэ Гуй предпочел бегство.

Он прыгнул на потолок, голыми руками сорвал железную крышку вентиляции и швырнул ее в них. Лезвие просвистело мимо щеки Цэнь Цзиня и с чудовищной силой вонзилось в стену.

В глазах Хэ Гуя отразился бегущий к нему Желтоволосый нытик и Дин Чжаоцин у него за спиной.

Он тут же развернулся и юркнул в вентиляционный короб.

Обиженное дитя бросилось следом.

А вот Цэнь Цзинь туда уже не пролезал.

— Дин Чжаоцин, останься здесь. Я погоню за Хэ Гуем.

Не дожидаясь ответа, он тут же умчался.

Дин Чжаоцин оперся на большой черный зонт и в пустом, мертвенно-тихом коридоре негромко фыркнул:

— Все смелее начинает мною командовать.

Тем временем Цэнь Цзинь не стал ждать лифт. Поняв, что этажами выше никого нет, он просто спрыгнул вниз с лестничного пролета — по два шага на этаж.

На третьем этаже он еще не успел открыть противопожарную дверь, как уже услышал за ней хаос и крики.

Едва дверь распахнулась, наружу повалили люди. В коридоре толпились обезумевшие от страха родственники и беременные. Были и те, кто только что родил и не мог двигаться — им приходилось оставаться в палатах, а их родственники, вытесненные наружу, в отчаянии рвались обратно.

И тут вдруг какая-то фигура пролетела через коридор и с грохотом врезалась в стойку медсестер.

Тяжелый железный стол тут же вмялся огромной воронкой.

Но фигура не остановилась: удар — и она снова пружиной взметнулась в воздух, устремившись вперед. Наткнувшись взглядом на плотную толпу людей, она на миг замерла, потом резко развернулась и бросилась назад.

Это был ребенок.

Кожа серо-черная, глаза совершенно белые, лицо исполосовано бесчисленными трещинами — жуткое зрелище.

Люди, оказавшиеся с ним лицом к лицу, сорвались на испуганный визг.

Но тут из-за спины ребенка вышел еще один силуэт — и все разом смолкли.

То был молодой интеллигентный мужчина.

Вот только шея у него вызвала рвотный ужас.

Все в коридоре попятились, сохраняя гробовое молчание.

Мужчина вскочил на металлический стол, и тот с грохотом провалился под его ногами. Затем он, будто пружина, выстрелил вперед и сцепился с ребенком.

Но тело у ребенка было легкое и ловкое. Он метался между стенами и потолком, как тень, и белолицый мужчина, как ни бился, никак не мог его достать — его буквально водили за нос.

Терпение у белолицего быстро кончилось.

Он схватил искореженный металлический стол и выломал из него пластину.

Из-под стола послышался женский крик.

Оказалось, одна из медсестер не успела убежать и в панике спряталась прямо под ним.

Белолицый растянул губы в улыбке и начал колотить по столу кулаком — раз за разом, точно выбивая крота из норы и выцеливая ее голову.

С такой силой он и сталь бы пробил навывлет. Попади удар по медсестре — череп у нее лопнул бы на месте.

И вдруг его улыбка стала еще более перекошенной и восторженной.

Он с размаху обрушил кулак в одном направлении.

Глухой хлопок.

Удар пришелся в живот Обиженного дитя, которое будто из ниоткуда возникло между кулаком и женщиной.

Белая известь внутри его внутренностей тут же разлетелась вдребезги.

В невидимой снаружи брюшной полости вмиг расплзлись сотни и тысячи тончайших трещин.

Медсестра потрясенно уставилась на чудовище, заслонившее ее собой.

Почему... оно ее защищает?

Предсмертные судороги ребенка и женский плач только сильнее возбуждали белолицего. Он становился все более перекошенным, все более упоенным собственным безумием.

Подняв кулак высоко над головой, он хрипло захохотал:

— Так ты тот самый ребенок, что выбрался из опоры священного пути? Ха-ха-ха... Твои родители и вся деревня были тупыми дикарями, сами отправили тебя на смерть, а ты теперь... ты теперь еще и людей защищаешь?

— С каких это пор нечисть защищает людей?!

Кулак снова обрушился вниз.

Но привычного ощущения плоти под ударом не было.

Белолицый растерялся, уставился вниз — и увидел, что под ним всего лишь черный рюкзак.

Ни ребенка, ни женщины уже не было.

— Хэ Гуй. Или лучше сказать — пророк?

Цэнь Цзинь оттолкнул спасенную медсестру в сторону толпы.

В одной руке он держал тесак для рубки костей, другой прижимал к себе Обиженное дитя, у

которого устало опускались веки.

Он жестом велел людям в коридоре уходить спокойно и по порядку.

Хэ Гуй развернулся к нему.

— Ты кто такой?

Цэнь Цзинь заговорил, будто вовсе его не слышал:

— Знаете, что делать при землетрясении или теракте? Дети, старики и беременные — вперед. Молодые и сильные — прикрывают отход. Паниковать не надо. Считайте, что эта тварь у меня за спиной — просто опасный психопат с антисоциальными наклонностями.

— Вы знаете номер экстренной эвакуации и где включается тревога в больнице? Медсестры — сообщить наверх, не забудьте вызвать полицию. На этом и на верхнем этаже начинайте эвакуацию пациентов. Не паникуйте, я разберусь.

— Остальных больных, которые остались в здании, я тоже прикрою.

— И потом сделайте объявление по громкой связи: тем, кто не может уйти, пусть велят запереть двери и сидеть внутри, не высовываться.

Хэ Гуя попросту игнорировали.

Он пришел в ярость:

— Эй! Я тебя спрашиваю, кто ты такой?!

Цэнь Цзинь спокойно посмотрел в глаза одной из медсестер перед собой:

— Поняли?

— Д-да! Поняла!

Тут же нашлись люди, которые взялись организовывать эвакуацию.

Хэ Гуй, чувствуя, что его полностью списали со счетов, взбесился окончательно. Он изо всех сил метнул в них железную пластину — прямо в голову одному из родственников пациенток.

Тот от страха зажмурился намертво.

Прошла секунда.

Другая.

Он не умер.

Мужчина осторожно открыл глаза и увидел, что железка еще в полете вдруг сама собой смялась в шар, а потом какая-то сила, обрушившаяся сверху, вдавила ее в пол.

— Уходите, — сказал Желтоволосый.

В следующее мгновение у людей перед глазами только рябью мелькнула его фигура.

Он двигался так быстро, что силуэт смазывался.

Лязг стали о сталь разнесся по коридору резко и звонко, в воздухе одна за другой рассыпались искры.

А потом Хэ Гуя вдруг с чудовищной силой отбросило назад.

Он врезался животом в стену. Раздался хруст — резкий, сухой.

Таз и позвоночник сломались.

Желтоволосый шел к нему.

Взгляд у него был холодный, с лезвия тесака стекала цепочка кровавых капель.

Хэ Гуй с трудом выговорил:

— Ты... кто... такой?

— Опекун этого ребенка.

Хэ Гуй не поверил ни слову.

— Ты человек. А люди не могут жить с нечистью в мире. Врешь... Понял. Либо ты заключил с

ними какую-то грязную сделку и сам хочешь стать нечистой. Либо ты просто обманом заставил их работать на себя.

Он был абсолютно уверен в своей догадке.

Во что угодно поверит, но не в то, что человек и нечисть способны мирно сосуществовать.

Цэнь Цзиню было совершенно безразлично, верит тот или нет.

Он только спросил:

— Знаешь того заклинателя призрачного гу рядом с Ли Чжэньчжунем в городе Синьхай?

Хэ Гуй захихикал мерзким смехом:

— Коллега. Я знаю, что Ли Чжэньчжун прикончил его сам. Ха-ха-ха... Самонадеянный идиот. Его переиграл обычный человек.

— И ты не собирался за него мстить?

— Богиня-мать хотела посмотреть, до чего сможет дойти Ли Чжэньчжун. Вдруг он еще пригодится.

— Вы, я смотрю, умеете использовать людей по назначению, — спокойно сказал Цэнь Цзинь. — Что еще ты сделал в больнице? Красная лягушка — это твой гу? Чего вы добиваетесь?

Хэ Гуй уставился на него и ослабил:

— Не скажу.

— Не скажешь — умрешь. Скажешь — я, может быть, придумаю, как сохранить тебе жизнь.

— Ха-ха-ха-ха...

Хэ Гуй захохотал, откровенно издеваясь над наивностью Цэнь Цзиня.

— Вы, люди, самодовольные идиоты. Вам никогда не понять, что значит истинный бог. Но кое-что я тебе все-таки скажу. В животах тех беременных я выращивал чудовищ.

Цэнь Цзинь смотрел на него холодно и молча.

Хэ Гуй продолжал, смакуя:

— И как вы собираетесь вспарывать им животы, чтобы вытащить и убить эти хрупкие жизни? Я бы посоветовал просто давить их ногами.

Цэнь Цзинь не шевельнулся.

Он не собирался злиться из-за слов психопата. Логика у таких тварей изначально гнилая и злая. Только если шагнуть в их уродливую логику и обнаружить, что она противоречит твоей собственной, — тогда и рождается гнев.

Но Цэнь Цзинь в эту логику входить не собирался.

Ни к чему.

Он ведь не психопат.

— Последний вопрос. Опора священного пути в Пещере Четырех Морей — твоих рук дело?

Хэ Гуй явно удивился такому вопросу.

— Моих.

Цэнь Цзинь кивнул.

Потом протянул тесак Обиженному дитя.

— Руби по шее. Костей там нет, много силы не понадобится. Или хочешь, я сам, а ты просто посмотришь?

— ...

Обиженное дитя ответило:

— Я сама.

Хэ Гуй уставился на Желтоволосого в полном неверии.

Похоже, до него только сейчас дошло, что тот действительно собирается по-настоящему восстановить справедливость ради Обиженного дитя.

Да быть того не может.

Из-за нечисти?

Обиженное дитя, держась из последних сил, схватило тесак и со всего размаха рубануло Хэ Гуя по шее.

Глухой удар.

Голова покатила по полу.

Едва из разреза брызнула мерзкая лягушачья икра, как Цэнь Цзинь тут же прожег ее газовой горелкой.

Глядя на пол, усыпанный обгоревшими трупами гу, он вдруг мрачно пошутил:

— На вкус как курица. И хрустит.

Обиженное дитя шутки не поняло.

Цэнь Цзинь слегка ощутил себя одиноким.

— Спасибо, — вдруг сказала Обиженное дитя.

— Не за что. Хэ Гуй не был главным. Когда доберемся до настоящего главаря, потом свожу тебя за жареной курицей.

— За какой еще курицей?

— За такой же прекрасной вещью, как кола. Еда, от которой люди забывают, что им было плохо.

Обиженное дитя тихо буркнуло «угу» и долго стояло спиной к нему, ничего не говоря.

Цэнь Цзинь так и не заметил его неловкости.

Он только поднял голову, посмотрел на камеру наблюдения и, проследив взглядом за проводами, вывел из строя систему.

Хоть Обиженное дитя сегодня никого и не убило, а наоборот, даже защищало людей, на всякий случай лучше было его не светить.

Покончив с этим, Цэнь Цзинь уже собирался идти искать беременных, которым Хэ Гуй подсадил гу, как вдруг Обиженное дитя повернулось к нему и уставилось белыми глазами.

И почему-то в этом взгляде угадывалась... стеснительность.

— Почему ты сказал, что ты мой опекун? Я тебя не признаю. Вообще-то я старше тебя.

Помолчав, оно сбивчиво добавило:

— Но... на людях... так и быть, ради тебя я могу сделать вид.

Желтоволосый подумал: какая же неловкая мелкая нечисть.

— И в школу ради меня тоже пойдешь?

— Нет! — взвилось Обиженное дитя.

— Ладно-ладно.

Цэнь Цзинь отнес его в туалет пустой палаты и отправил обратно в Хижину в лесу залечивать раны.

— Иди отдыхай.

Перед тем как уйти, Обиженное дитя вцепилось в его руку и мрачно напомнило:

— Молочный чай. Лимонад. И эта твоя... какая-то курица.

— Куплю, как только вернемся.

Только после этого Обиженное дитя послушно ушло в Хижину.

Цэнь Цзинь закрыл дверь, опустил взгляд и вдруг тихо усмехнулся.

Нечисть, оказывается, не вся ненавидит людей.

Им тоже нравится жареная курица и кола.

С четвертого этажа и ниже больницу уже полностью очистили.

Власти быстро получили сообщение, тут же взяли ситуацию под контроль, а возглавлял прибывший отряд вооруженной полиции Гуань Чанчэн — его тоже срочно перебросили из столицы временно курировать обстановку в Цяньчуани.

Сейчас он как раз разговаривал с Цэнь Цзинем и записывал его рассказ о Хэ Гуме и посаженном гу.

Дослушав, он спросил:

— Люди говорят, что тогда там был еще какой-то ребенок с жуткой внешностью. Он дрался с Хэ Гумем и явно был с тобой знаком. Что это было?

Лицо Желтоволосого ничуть не изменилось.

— Не знаю. Сначала я толком не рассмотрел, увидел только, что он убивает ребенка. Ситуация была срочная, думать было некогда, я и рванул спасать. А когда вытащил — только тогда понял, что это нечисть второго уровня. Такая штука — горячая картошка. Я ее сразу и швырнул. Потом спохватился, хотел добить, а она, гадина, умная — юркнула в вентиляцию и сбежала. Если сейчас проверите, остаточное ментальное загрязнение там еще должно фиксироваться.

Обиженное дитя и впрямь ползло по вентиляции за Хэ Гумем с шестого этажа на третий.

Гуань Чанчэн всматривался в лицо Желтоволосого, пытаясь уловить хоть тень лжи.

Но ничего не находил.

Слишком уж тот был унылый.

Вообще-то сам по себе Желтоволосый был довольно симпатичный: кожа светлая, стоит ровно, сложен как надо, все на месте. Но при этом почему-то казалось, что этот человек ночами напролет играет в игры, дымит, пьет, жжет волосы и плывет по жизни, ничего толком не желая.

— Имя у тебя будто знакомое, — сказал Гуань Чанчэн.

— Вы знаете Мискатоникский университет?

— А. Так ты студент Ми-Да.

— Первокурсник. Знаменитость.

В столичной Организации Гуань Чанчэн успел узнать, чем живут сверхъестественные и какие жертвы они приносят. Он искренне уважал их, а к студентам Мискатоникского университета и вовсе испытывал особую симпатию. Услышав, что перед ним еще и «знаменитость», он без лишних слов решил: перед ним будущий боец передовой линии.

— Первокурсник, а уже на каникулах раскрыл особо крупное и крайне жестокое дело о нечисти, еще и защитил жизнь и имущество народа. — Гуань Чанчэн одобрительно кивнул. — У тебя большое будущее, студент Хуан.

Желтоволосяй улыбнулся ему.

Мысленно — твою мать.

Обо всем, кроме Обиженного дитя, он рассказал подробно и без утайки, после чего целиком передал дело в руки властей.

Беременных с гу внутри тоже отдали официальным структурам.

Стоило выяснить, что это именно гу, как мощная государственная машина тут же заработала быстро и слаженно. А сам Цэнь Цзинь о гу не знал почти ничего, так что пользы от его участия все равно было бы немного.

Беременных с шестого этажа временно перевели на пятый.

Цэнь Цзинь поднялся туда, чтобы навестить молодую мать, только что родившую двойню.

Увидев его, женщина сперва замерла, а потом сказала:

— Тот господин уже ушел.

— Я не к нему, а к вам. — Цэнь Цзинь сел. — Внизу уже полиция. Я не упоминал вас в разговоре, но вам лучше самой попросить у них защиты. Сейчас уже не те времена: та сторона мира, о которой люди не знали, понемногу выходит наружу.

Женщина опустила голову и принялась тихо играть с младенцами.

Прошло довольно много времени, прежде чем она заговорила:

— Меня зовут Линь Вэньцю. Мне тридцать пять. В семнадцать я была дурой. Ни с кем не спала, но вдруг забеременела и решила, что я Дева Мария. Подумала, будто зачала от святого духа, а ребенок у меня в животе — необыкновенный. Я упрямо родила ее. Родные так разозлились, что отреклись от меня. Только через несколько лет позволили вернуться домой.

Она зябко вздрогнула.

— И вот тогда начался кошмар.

Страх до сих пор сидел в ней.

— Та девочка... девочка, которая вышла из моего живота, была не человеком.

Цэнь Цзинь налил ей стакан воды.

— Уже все позади. Рассказывайте спокойно.

Линь Вэньцю поблагодарила и продолжила:

— Сначала я очень ее любила. Но я каждый день пропадала на подработках и почти не бывала дома. Не знаю почему, но нанятые сиделки менялись одна за другой — никто не выдерживал. Потом, когда я вернулась, с моими родителями, братом и невесткой один за другим начали случаться несчастья. Моему племяннику она даже отгрызла кусок руки.

— Родные были в ярости.

— Потом родители решили отдать ребенка чужим людям на воспитание. Они говорили, что так будет лучше и для меня тоже. Я не согласилась. А через неделю они оба умерли.

— У отца были проблемы с сосудами мозга. Он внезапно слег, не мог пошевелиться, уткнулся лицом в подушку и задохнулся насмерть. Мать была на кухне, следила за супом, не заметила свисающую с крюка колбасную веревку, поскользнулась — и шеей попала прямо в петлю. Так и удавилась.

Она стиснула пальцы.

— Самое страшное в том, что в тот момент вся семья сидела в гостиной. Понимаете? Все

сидели там. Но пока родители умирали, никто из нас не заметил, что они пытались позвать на помощь.

Когда это стало ясно, брат и невестка замучили себя чувством вины.

Старший брат и вовсе впал в депрессию.

А потом дочь Линь Вэньцю разбила урну с прахом стариков, и брат с женой в ярости наорали на нее.

На следующий день их обоих нашли мертвыми в машине — они задохнулись от жары.

Странность была в том, что двери не были заперты, а на дворе стояла зима.

После этих жутких смертей Линь Вэньцю наконец заподозрила свою дочь. Она в спешке отправила племянника к надежным людям, проверила все записи с камер в доме — и с ужасом увидела знакомый силуэт на каждом месте смерти своих родителей, брата и невестки.

— Я точно знала: это она убила мою семью. — В глазах Линь Вэньцю вспыхнула жесткость. — И решила убить ее сама.

— И не смогли, — ровно сказал Цэнь Цзинь.

Линь Вэньцю вздрогнула.

— ...Да.

Она помолчала, а потом продолжила:

— Меня заперли. Я родила очень много детей, и она всех их сожрала. Тогда я наконец поняла, что за «зачатие от святого духа» это было на самом деле. Просто какие-то отвратительные твари забирались ко мне в живот, использовали его, чтобы вернуться к жизни, а потом выползали наружу уже в человеческом облике.

Это звучало почти как легенды о тварях, которые, вынашиваясь в человеческом чреве, обретают человеческую форму.

Но на деле повернуть такое совсем не просто — по меньшей мере тело матери обычно разрывает на куски. Или она превращается во что-то вроде Матери-Гуаньинь.

Если только эксперименты Ли Чжэньчжуна на самом деле не увенчались успехом, просто сам

он об этом так и не понял.

Линь Вэньцю нежно погладила спящих двойняшек.

— Потом мне удалось бежать. Я встретила мужчину, забеременела уже настоящими детьми. Но то чудовище выследило меня, убило моего мужчину и попыталось сожрать детей у меня в животе. А я должна была защитить оставшуюся родню. Тогда и появился Хэ Гуй. Я понимала, что с ним что-то не так, но другого выхода у меня не было.

— А тот человек, что был со мной, что просил вас передать?

Линь Вэньцю долго смотрела на него, потом покачала головой:

— Я и сама не знаю. Тот господин лишь сказал мне, что именно то чудовище Хэ Гуй и подсадил в мой живот, что они выбрали меня и вбили мне в голову бред про Богиню-мать.

Она внезапно выругалась сквозь зубы:

— К черту эту Богиню-мать.

— Желаю вам и детям спокойной, благополучной жизни.

— Спасибо.

Когда Цэнь Цзинь вышел из больницы, то сразу увидел Дин Чжаоцина.

Тот, как и прежде, стоял под большим черным зонтом под деревом — совершенно отдельно от всего мира.

— Значит, ты давно уже нашел след Си-ван-му.

Дин Чжаоцин слегка повернул голову:

— Все выспросил?

Цэнь Цзинь подошел к остановке и встал рядом ждать автобус.

— Си-ван-му вылезла из живота Линь Вэньцю. По идее сейчас она всего лишь уязвимый человек. Почему ты не убил ее сразу?

— Потому что это было бы скучно.

— ?

На губах Дин Чжаоцина появилась улыбка — легкая, но странно злая.

— Поднять мусор до той высоты, о которой он мечтает. Дать ему погрузиться в сладкое чувство почти достигнутого триумфа. А потом — бам. Разбить его трон. Раздробить его выстраданную мечту. Смотреть, как он впадает в истерику, в безумие, в отчаяние. Вот тогда уже можно отрубить ему голову и выставить на всеобщее обозрение. Только это и будет мезью.

Цэнь Цзинь вдруг, точно от чего-то испугавшись, отступил на шаг.

Он смотрел на Дин Чжаоцина так, будто видел: на идеально красивой человеческой коже вдруг расходитя тончайшая трещина, толщиной с графит в карандаше, — и из нее без конца лезут наружу мрак, злоба и свирепое зло, обрастая когтями и клыками.

Он задумчиво всматривался в Дин Чжаоцина.

Тот позволял рассматривать себя сколько угодно.

Но трещина уже закрылась.

И перед ним снова стояла лишь прекрасная, безупречная человеческая оболочка.

— Тогда почему тебя самого когда-то подавил этот мусор?

— ...

Взгляд Дин Чжаоцина мгновенно похолодел.

<http://bllate.org/book/13658/1591595>